

Мгорь Торев

Острова попутного ветра

сборник рассказов

Игорь Горев

**Острова попутного
ветра. сборник рассказов**

«Издательские решения»

Горев И.

Острова попутного ветра. сборник рассказов / И. Горев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746568-1

Где остроумная выдумка, а где реальность — решать вам. Отпустите вашу мысль в свободное плавание, и вы удивитесь, как быстро уловит она свежие воздушные потоки и устремится в неизведанные дали. В добрый путь.

ISBN 978-5-44-746568-1

© Горев И.
© Издательские решения

Содержание

Острова попутного ветра, или Эпизод из жизни приморского городка	6
через окуляр увеличительного прибора	
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Острова попутного ветра сборник рассказов

Игорь Горев

*Сочинскому яхт-клубу, тренерам, воспитателям, всем, кто
выводит молодые поколения на открытую воду, учит управлять
парусом и не бояться стихий*

Иллюстратор Игорь Васильевич Горев

© Игорь Горев, 2018

© Игорь Васильевич Горев, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-6568-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Острова попутного ветра, или Эпизод из жизни приморского городка через окуляр увеличительного прибора новелла

Настраиваем резкость картинки

Звёзды Вселенной с абсолютной бесстрастностью взирают на Землю, когда там происходят самые эпохальные и судьбоносные события.

Рушатся великие империи, в жестоких битвах сходятся обезумевшие народы, чьи жизни на картах азартно проигрывают тщеславные полководцы, а гордые адмиралы, почти шутя, одним залпом главного калибра, разливают в океанах новые тёплые течения, с медленно остывающей кровью. И после разочарованно удаляются в свои роскошные каюты, требуя от стюардов чего-нибудь покрепче.

Тогда мир полностью погружается во мрак. Едкий орудейный дым заменяет ему облака, вспышки выстрелов – молнии, зарево пожарниц – восходы и закаты. Голодные звери, презрев Божественный наказ, оставляют лесные тропы и выходят поближе к человеческому жилью, алчно взирая на тусклые окна. А сам человек в ужасе забивается в труднодоступную пещеру и оттуда дикими глазами таращится на порождённый им хаос и опустошение, не веря, ни дневному свету, ни серебристому лику луны. Обманщица! Скольких романтиков уводила ты по искристой дорожке над беспечно колыхающимися волнами на поиски новой мирной жизни? А они выстраивались в маршевые колонны и шеренга за шеренгой поглощались чёрной пучиной... И тогда из глотки, ещё вчера рождающей стихи и заумные публичные речи, вырывается вопль:

– Ооо-ууу!!! – разносится над сумеречными просторами, бессмысленно и безнадежно.

Благородство не определяется титульными книгами, чинами и правом рождения, истинное благородство определяется делами. Имя которым – Любовь.

Очередная Великая земная трагедия нисколечко не взволновала необъятный Космос. Как может волновать то, что уже давно свершилось? И то, что теперь происходит на Земле, напоминает звёзды, которые уже давно погасли, но продолжают посылать запоздавшие лучи. Вы видите давно исчезнувшее, поглощённое вечностью мерцание жизни. И все Великие зарницы, что начинают полыхать на оживлённой планете, для Вселенной – погасшие звёзды. Как к ним относиться? Разве люди не сами пришли на это поле и выбрали битву? Какие бы цели они ни преследовали – они превратили жизнь, любовь в остывающий кусок мяса, в истерзанную плоть. Этим могут заинтересоваться, разве что, падальщики или черви, о прощении и покаянии их не спрашивают.

У Вселенной для Земли свои законы и самый безапелляционный звучит примерно так: «Поздно...» Далее следуют подпункты, но ни один из них не звучит оправдательно. Судья строг и неподкупен. Впрочем, таким и должен быть настоящий судья, о чём на Земле лицемерно забывают, всякий раз трактуя аксиому по-своему, в угоду настроениям, интересам, взбалмошности и прочих непостоянств. Вот и звучит дикий вой посреди разрухи и смердящих трупов?

– Ооо-ууу!!!

Жуть.

Но не думайте, что Вселенная столь безучастно наблюдает за всем происходящим на Земле. Отнюдь.

Когда в каком-нибудь приморском городке рождается будущий адмирал, ничто не шелохнётся на небосводе. Ни один даже самый ничтожный обломок астероида не изменит своей бестолковой орбиты. Адмиралы всегда вытёсываются из горной породы. Резец сначала берут в руки суетливые родители, потом подхватывает лукавый учитель, а завершает Мастер, которому остаётся «убрать всё лишнее» и придать чертам значительность и монументальность.

– Рождение адмирала. Всего-то... – Звёзды недоумённо переглядываются. – И по этому поводу снова продувается воздух сквозь медные трубы? И во множестве штампуются позолоченные пуговички на китель? – Звёзды всплещивают лучами. – Несчастные! Они хронически близоруки. Их тяга к величию похожа на неизлечимую болезнь. Неизлечимую, потому что люди сами приближают роковой час, они просто жаждут быть больными со всей страстностью своей неудержимой натуры. Неужели они до сих пор не осознали один из самых простых законов, написанных специально для Земли: «Адмиралом ты можешь стать и даже непременно им будешь (невелика наука для ума самовлюблённого, воинственного и кровожадного), но Окрылённым – никогда». – Среди звёздного шёпота раздаётся предостерегающий голос: – да,

Пророкам скучно на Земле.

Осознание того, что возможности прибора не бесконечны,
и что-то обязательно останется вне поля видимости

И уже в следующий миг вся Вселенная, до самых отдалённых её окраин, всколыхнётся, придёт в движение и чутко прислушается – на Земле родился Окрылённый!

При появлении Окрылённого весь мир вокруг преобразается. Вспышка сверхновой тускнеет перед таким событием. Разве можно ставить в один ряд обыкновенную термоядерную физику, при всей её сложности, и рождение новой Вселенной? Само Время, этот могущественный, непререкаемый повелитель любого бытия, неоспоримый распорядитель всех судеб без исключений, само Время перестаёт быть равнодушным часовщиком, раз за разом, запускающим сложный шестерёнчатый механизм в бессмысленную круговерть. Оно покидает неприступную башню, величаво приближается, задумчиво и почтительно склоняется. Почтительно к себе и новорождённому. И затем до самых отдалённых уголков Вселенной долетает его зычный глас:

– Родился тот, кто над временем! Эй, вы все: драгоценные и баснословно дорогие хронометры, уважаемые старинные ходики, дешёвые и вечно опаздывающие тикалки, электронные зазнобы – слушайте все! Теперь каждую вашу секунду и даже долю этой секунды вы будете сверять с его вдохом и выдохом. Вы можете быть точными, торопиться и опаздывать, вы даже можете остановиться навсегда, но отныне...

Итак, наша самая обыкновенная земная история начинается не сейчас и не здесь, как принято полагать, а...

Где-то очень-очень далеко, на самом краю разумных пределов в неистовой исполинской топке полыхали и сгорали всемогущие силы, способные своими энергиями сжечь не одну дюжину галактик со всеми солнцами и планетами.

И вдруг из этих невероятно расплавленных недр возник луч света! Он не ослеплял и не жёг, а скорее напоминал светлую чудную птицу, прозрачную, бестелесную. Птица вспорхнула на край ближайшего протуберанца, покачалась задумчиво над чёрной бездной, словно раздумывая о возможностях затеряться и навсегда сгинуть в этой непроницаемо бесконечной тьме. Затем смело взмахнула необыкновенными крыльями, широко и свободно, ярко вспыхнула, освещая округи, оттолкнулась от языка пламени и полетела, стремительно пронзая неизмеримые пространства, рассеивая вокруг искры и разгоняя дуновением сияющих перьев пространства и зыбкое время. Преодолев безжизненно-мрачные космические пустоши, чудесная птица-луч, после очередного взмаха светлых крыльев, вынырнула из тьмы и приблизилась

к одной очень крохотной планетке похожей на капельку лазури. Капельку приятно освещало ближайшее Солнце. На поверхности мирно кучерявились облака, а под ними купались материки, укутанные в кружево приборя и похожие на драгоценную мозаику, сложенную из осколков полупрозрачных опалов, сердоликов, изумрудов.

Птица-луч залюбовалась, на планете её ожидала судьба – встреча с Окрылённым.

На тот час он был узником властной материи, влача жалкое существование, полное горестного отчаяния и разочарований. Сторожили его жалкие подслеповатые обитатели сумрачных коридоров, шаркающей, но важной походкой прохаживались они туда-сюда, считая себя свободными лишь потому, что находились по ту сторону запертой двери. Под гулками сводами было слышно их перешёптывание, иногда раздавались язвительные смешки. Затем все звуки поглощались мрачными недрами. Ни прежней свободы, ни вольного полёта – всё predetermined.

Птица-луч свежим дуновением пронеслась мимо нерасторопных охранников. Те лишь испуганно повели воспалёнными веками, по-рыбьи тараща глаза и прижимаясь к стене. И тут страх сжал их сердца – они заметили льющийся из темницы узника яркий свет. Тот проникал сквозь щели, замочную скважину и разливался повсюду, грозя затоплением несчастным обитателям тесных коридоров.

Тогда они стали цыкать и грозить всеми карами. Свет продолжал проникать в их уютное подземелье, досаждал их существованию, такого они больше не могли терпеть и ворвались внутрь темницы. Окрылённого назидательно предупредили: впредь так не поступать и вести себя правильно, согласно распорядку дня и закону ночи. После чего чинно удалились, оставив узника один на один с ссадинами и кровоподтёками. Но ясная воля, узревшая небо, больше не могла мириться с беспрекословностью чьих-то законов и постулатами тюремщиков, сводящихся к одному: поверь в нашу правоту. После истязаний он засыпал, ему снилась заманчиво-радужная линия горизонта, и глубокая пропасть у ног, и тончайший, похожий на паутинку мостик, свитый из лучей света, тех самых, что иногда заглядывали к нему сквозь крохотное зарешёченное окошечко. И чей-то настойчивый голос призывал его не бояться и ступить на шаткий ненадёжный мостик. Узник просыпался и, вперив взгляд, подолгу рассматривал нависающий потолок, тогда беззвучные слёзы стекали на твёрдый пол, просачиваясь сквозь трещины, разъедая камень...

Слёзы высыхали, уступая место мечте, которая теперь жила и тем небом, и той рвущейся над пропастью сновидений путеводной нитью. Ей – мечте – жизненно важно стало вырваться отсюда прочь и увидеть не во сне, а наяву тот светлый мост над пропастью и обязательно шагнуть вперёд. Освобождённое сознание теперь верило – он ни за что не разобьётся, сколько бы ему не предрекали. Так пробудилась воля затворника и тот начал творить.

Распуская оковы и цепи в нити, похожие на перистые облака и туманные дали, затворник ткал из них едва видимую, вздрагивающую на сквозняках ткань и кроил по лекалам мечты. Отточенной, как его мысль, иглой он сшивал лоскуты вместе. Крепко и неразрывно. Улыбаясь чему-то, что видел только он один, гладил шершавой рукой грубую кладку, так жестоко ограничивающую его свободу, зачерпывал проникающий сквозь оконце лучик, в котором беззаботно плавали невесомые пылинки, и плескал на незыблемую твердь. Та смягчалась, становилась податливой, похожей на глину в руках горшечника и узник начинал вдохновлённо ваять. Материя из надменного диктатора превращалась в единомышленника и гениального соавтора.

Темница, никогда досель не ведающая и не признающая иных повелителей кроме вечно угрюмых и пьяных, со связкой позвякивающих ключей надзирателей, теперь удивлялась происходящим в её недрах метаморфозам. Ей вдруг захотелось уподобиться чайке так легко отталкивающейся от её бастионов. Она совершала неуклюжие попытки, осыпая грубую штукатурку и покрываясь трещинами. Не пугали её, как прежде, и легкомысленные волны, что плескались у её подножия. Они приятно волновали её, и темница всё чаще обращала свой суро-

вый лик навстречу утреннему солнцу. Затхлые тёмные углы, в которых всегда царствовали пронирливые крысы и шептались всевозможные страхи и болезни, незаметно превращались в плавные струящиеся обводы, оттуда испуганно шарахались тени, одной рукой прикрывая пустые глазницы, а другую вытягивая вперёд; крысы спасались бегством и вплавь. Многовековая неподвижность напряжённо глядывалась на вьющуюся между холмов дорогу, охрану у ворот охватывал панический ужас по ночам, когда петли начинали натужно скрипеть, будто жалуясь на свой рок. Их жирно смазывали – всё напрасно.

Однажды, лишь только дальняя зорька осветила верхние зубцы внешних бастионов, темница вздрогнула, с грохотом осыпались угловые камни, и всё исчезло за пыльной пеленой. Когда пыль успокоилась и улеглась, предварительно кремнисто просверкав на солнце, перед всеми предстал необычный парусник, больше напоминающий дитя моря и ветра, чем творение рук человеческих.

Утёсы и камни, некогда надёжно охранявшие обречённого узника, теперь парили и струились, ни прежней тяжеловесности, ни тщеславного созерцания, ни грубой напористости – всё легко и текуче, повторяя движение волн над поверхностью морей. Вдохновлённый камень, презрев свою природу, переродился в воду. Сотканное из оков и цепей прозрачное полотно взмыло на тонкой мачте высоко-высоко и затрепетало, почуяв первые свежие потоки воздуха. Угрюмый металл, призванный омрачённым рассудком ограничивать и убивать свободу, расплавился, болезненно булькая при этом, и снова стал затвердевать, обретая иное предназначение – служить ветру. Нервы узника, пропущенные сквозь жернова испытаний и волочилюню терпения, превратились в такелаж, шкоты и оттяжки и, тонко радостно звеня, запели в ожидании полёта.

«Окрылённый!» – воскликнули восхищённые небеса и вольнодумный ветер, когда из пыли начали проявляться контуры создания.

«Окрылённый!» – скрипнули снасти, почуяв попутные потоки.

«Окрылённый!» – лукообразно изогнулась мачта, сама готовая вылететь вместо стрелы навстречу открывающемуся простору и полыхающим стихиям.

Луч света – та самая чудо-птица – подлетел к чудесному паруснику, приник к нему, прислушиваясь к чему-то, доступному только его чуткому слуху. То, что услышал луч света, видимо, понравилось ему, он слегка отпрянул в сторону, полюбовался творением и без принуждения подтолкнул вперёд: иди!

Белый, скроенный из лоскутков парус тут же вспыхнул светлым ореолом над парусником, нетерпеливо качнулся, вздрогнул и взмыл над пенным гребнем волны, словно он только и ожидал этого мгновения, этого соединения земного и небесного.

Досужие мнения по поводу увиденного

Несуразность какая-то, – воскликнет прагматик: то он свет, несущийся сквозь пространства, то узник, влачащий незавидную участь в оковах материи. Требую определённости?

Пожалуйста. С рождением Окрылённого время перестаёт быть безжалостным тираном: здесь и сейчас! Когда прошлое эфемерно и надуманно, а будущего нет совсем. Время разделилось. И одно записывается в бортовом журнале, твёрдой и капризной рукой, когда исправления невозможны, но не всё пишется, угождая тем изворотливому уму. Другое время – время окрылённое. Вы когда-нибудь слышали, чтобы одно событие совершалось в разное время? Отныне так и будет.

(Окрылённый – это человек лишённый земных оков. Окрылённый – это капитан, шкипер, проложивший курс любви, вопреки шквалам и взбешённым стихиям, курс сквозь Гибельные широты, полные опасностей и заманчивых пляжей.)

– Курс на Острова попутного ветра!

Никто не знает где это, и только Окрылённому доступно.

Но, думаете, темницы умеют прощать беглецов? Зря! Все темницы сложены из одного материала, вся их суть заключается даже не в затворах, решётках и висячих замках. Нет. Если бы наш Окрылённый беглец оглянулся, то заметил бы, какой злобой исказились лица надзирателей и лица их покровителей. Он лишил их смысла существования! Он отнял у них жизнь, став причиной массовых самоубийств и психических расстройств.

Они не умеют прощать.

Ворота уцелевшей части цитадели зашевелились, подневолью скрипя. Створки тяжело разошлись в стороны. Внутри, в сумраке что-то копошилось, вспыхивало, раздавались повелительные команды, им вторило покорное эхо. И наружу начало выползать другое творение: какое-то чудовище, поплёскивая на солнце толстокожими боками и ощерившееся по сторонам ядовитыми колючками...

Извращённый ум, наблюдая бегство непокорного узника, чертил чёрным карандашом на белом ватмане. Густо и путано ложился чертёж, покрывая хитрой паутиной блеклый лист. В эту сеть он намеревался уловить беглеца. На ячейки подневольные сварщики наваривали броню, мертвенные блики освещали их лица и замершие на стапелях остовы. Конструктор торопил и подстёгивал, надсмотрщики поднимали плети: ругань и бессильный ропот становились частью творения, и оно удалось на славу.

Первое чудовище безумных конструкторов осторожно подползло к воде, с опаской попробовало воду и всей многотонной массой плюхнулось по самую ватерлинию, поднимая тучу брызг. За первым чудовищем последовало второе и точно так же тяжелоесно ударились о морские волны, распугивая их широкими кругами. Затем один за одним начали выползать другие разнокалиберные монстры, от крохотных и юрких, до пышущих атомными сердцами великанов, медлительных и неповоротливых. Но всех этих уродов отличала одна способность – они умели наносить удары возмездия.

Целый флот выстроился вдоль берега в ожидании команды, омрачая небо копотью и дымом. Надутые бока кораблей и катеров нетерпеливо дрожали, словно борзые, почуявшие жертву.

Длинный гудок разорвал воздух на части, и он же послужил сигналом погони и травли. Флот Всех Федераций, под командой грозного адмирала, ускоряясь и поднимая брызги на форштевнях, рванул вперёд!

Беглец лишил темницу её смысла, и она решила отомстить, догнать и водворить законный порядок: обрести смысл жизни, тем самым обессмертив своё существование...

И вот, только теперь начинается самая обыкновенная земная история. А сколько необыкновенного и чудного уже свершилось и ещё свершится. Даже земные реки имеют два русла: одно видимое, другое скрытое – подземное.

Начинаем наблюдение

В одном приморском городке родился мальчик. Над ним склонилась многочисленная родня, сдерживая от счастья дыхание. И к нему, никем не замеченные, приблизились две загадочные фигуры. Блестящий адмирал, по обыкновению надменный и знающий себе цену, шагнул уверенной походкой, вытянул шею из белоснежного с золотым шитьём кителя и зорко всмотрелся в младенца: «Морячок. Подрастёт и никуда не денется, быть ему на моей палубе юнгой. А там посмотрим...» Второй вначале был безмолвен, потом улыбнулся, радостно шурясь на солнце, вдохнул слабые потоки утреннего бриза, прислушался и шёпотом произнёс имя новорождённого: Назар.

Шёпот, напоминающий шуршание листы, тут же был подхвачен присутствующими. Имя всем понравилось, родные оживились и согласно закивали головами.

Сколько помнил себя Назар, он никогда не воспринимал окружающий его мир в цельности. Всегда он казался ему сложенным из осколков и фрагментов. Собранным грубо и наспех.

Когда сталкиваются вместе именитые (и не очень) художники и начинают создавать одну, общую на всех грандиозную картину, они традиционно подолгу спорят, перебивают оппонентов, доказывают своё сугубо гениальное виденье, а потом разбегаются в стороны (полотно огромно и место всем хватает) и приступают к творческому акту. Получается нечто красивое, чувствуется мастерство и талант, но в то же время явно аляповатое и противоречивое. Там где встречаются два мировоззрения, происходит столкновение колоритов и стилей, острое вонзается в мягкое, мутное пятно заливают детали, а чёткость классическими шпательными приёмами рассекает всё дымчатое и туманное, аллегорическое. Поднимается гвалт. Разноплановое полотно трещит и ползёт по швам, его пытаются сшивать. Мало заметные стежки и умельцев также причисляют к искусству и мастерам. Кому же хочется трудиться напрасно, а слава, а бессмертие, да обыкновенная краюха хлеба? И вот полотно объявляют священным, а затем аплодируют собственной находчивости. В нём подмечают некую ценность, талантливо отображающую нашу беспокойную и «многоплановую» жизнь, образ мысли. Объявляют настоящим искусством, прикрывают стеклом, защищают сигнализацией и выставляют охрану.

Вдалеке от выставочного зала, за лабиринтом коридоров, в мастерской продолжали спорить и ругаться напившиеся по случаю художники. Жизнь отдельно, живопись сама по себе.

Назар убежал от всего живописного и портретного, и только одна картина однажды потрясла его детское воображение: «Девятый вал». Там, на жалком обломке гордой цивилизации, ещё недавно, до шторма, бахвалящейся своей мощью, спасаются беспомощные перед морской стихией люди. Морская волна царь-горой возвышается над вопящими от страха карликами, которые возомнили себя покорителями океанов. Вспененный султан трепещет на ветру, и величественная необузданная стихия решает, как ей поступить: утопить сразу, или поиграть и выбросить потом на берег? Мальчик задумался, переминаясь постоял у картины, наклоняя голову, то в одну, то в другую сторону и решительно направился к выходу. Многие ещё было малышу непонятно.

Заботливые родители рассудительно пытались определить место Назара в жизни. Так он попал сначала в борцовский зал: «Сила и умение давать сдачу – это главное, сынок».

Назар походил и воспротивился:

- Папа, неужели умение ставить кому-то подножку сделает меня человеком?
- Хм... надо уметь защищать себя.
- Так и остальные ведь учатся? На подножках далеко ли уйдёшь?

И Назар категорически отказался примерять новенькое кимоно.

Сохраняя верность олимпийским традициям и красочным перспективам, в которых пьедесталы заслоняли собой всё, Назара записали к тренеру большого тенниса. Тот был в моде и обещал перспективы. Мальчику дали ракетку, и он, следуя чётким указаниям, начал настойчиво и методично вбивать мячик в бетонную стенку, потом сбился со счёта и обратился к тренеру:

– Так я никогда не проломлю эту проклятую стену!

Умудрённый годами тренер пожал плечами и вывел новичка на игровое поле.

– Не хочешь в стену – меться в меня.

Мальчик оглядел условные линии границ: вот я, а там противник. Для надёжности и удобства площадка была огорожена высокой сеткой-рабицей. Назару это не понравилось: «Словно в зоопарке, только наоборот». Он недолго посещал занятия.

– Папа, когда кого-то бьёшь – хорошо, а когда тебя побеждают – плохо?

– Ну... да, в принципе, сынок.

– Ага. Плохо и хорошо – это всегда чья-то правда. Тогда я не хочу правды! А есть что-то больше правды? Неограниченное и свободное?

– Ну, не знаю, пойдём, может там тебя образумят?

Папа взял сына за руку и отвёл в Сочинский яхт-клуб:

– Вот, смотри.

И Назар сразу влюбился. Влюбился по-детски – навсегда.

Перед ним смело и открыто рокотало море. В нём не чувствовался дух соперничества и не было желания опрокинуть тебя на землю, побеждать и хвалиться. Море было морем, и оно было бескрайним. И где-то очень высоко сияло солнце, оно посылало, то тепло, то зной, но не было в нём вражды, оно совсем не собиралось изжарить тебя и съесть. Тучи и облака не дразнили своей непринужденностью, не звали настойчиво за собой – они смиренно парили над головой, навсегда скрываясь туда, где сливались вместе воздушные и водные стихии. К морю гостеприимно спускался слип (спуск для яхт).

– Там всё заканчивается?

Обратился мальчик к новому тренеру, указывая на горизонт.

– Там? Нет, там всё только начинается.

– Здорово! – Назар посмотрел вверх и сразу влюбился: тренер яхт-клуба будто впитал для него все увиденные силы природы и даже то, что там, за горизонтом.

Седые усы и короткая чёлка походили на тучи, белые и слегка пасмурные, готовые на грозные раскаты и охлаждающий дождь. Серо-голубые глаза, всегда светлые и прозрачные, порой озорные, ну чем тебе ни солнечное небо (и они так не похожи на бусинки тренера по борьбе – хваткие и оценивающие). Тренера звали Николаем, отчества Назар сразу не расслышал, почему-то вспомнив бабушку: «От Николая угодника, внучок, беды не жди – одно спасение». Зато фамилия у тренера была запоминающаяся – южная: Юхнов. Назар так и запомнил: новый юг.

Когда впервые Назар почувствовал тягу ветра в парусе и желание яхты нести его куда угодно, хоть на край света, лишь бы только там дули ветра, он поднял счастливые глаза и тихо произнёс:

– Спасибо.

Лицо тренера смягчилось:

– Это ещё что, Назар, – одобрительно улынулись усы, – ты главное ходи, ходи настойчиво и не ищи в стихиях развлечений и адреналина. А с «Оптимиста» (класс спортивной яхты) всё и начинается. Ты не смотри на его размеры, перед тобой твой первый настоящий корабль, а ты, получается, самый, что ни на есть, настоящий капитан! Так что пойдём учить правила кораблевождения.

– Как правила? И тут правила!?

– А ты как думал! Вон вас сколько в море, больших и совсем крохотных болтаются. Нужно всем уметь правильно уступать друг другу дорогу.

– Уступать?.. – Назар задумался и сам себе ответил, – правильные правила. Пойдёмте.

На прощание погладил борт яхточки:

– Я скоро вернусь! Обязательно меня дождись.

И уверенным шагом отправился в теоретический класс, самый настоящий, с доской и столами. На стенах развешаны фотографии тех, кто добился успехов, стал гордостью яхт-клуба, была и полезная информация: как вязать морские узлы и схемы галсов, названия ветров. Назар походил вдоль стен, морща лоб и что-то соображая. Тренер не торопил: этот мальчуган напомнил ему самого себя много-много лет назад, так давно, что воспоминания из телесно ошутимых превратились в неясные миражи над пустыней. Интересно, о чём он спросит? – сощурился тренер.

– Они далеко под своими парусами ушли?

Тренер смешался: воспоминания неожиданно приблизились, и теперь его собственное детство, более чем явно, стояло перед ним и выжидающе смотрело вверх прямо в глаза. Детству нужно отвечать искренне.

– Одиночки остались под парусами. Большинство же сошло на берег, некоторые занимают высокие чиновничьи посты, другие тренеры, как я. По-разному, Назар.

– Угу, – чересчур серьёзно согласился мальчик, – так я и подумал – настоящие.

Что подразумевал мальчик под словом «настоящие», Юхнов не понял и спрашивать не стал (он уже потом, когда один вернулся в класс и подошёл к стендам с фотографиями, внимательно взгляделся в лица, потерябил усы как делал всегда, раздумывая о чём-то: «Настоящие... настоящие?.. А ведь и верно – сто'ящие, имеющее цену, и как я сразу не догадался»).

– Думаю, пора приступать к правилам.

В классе Назар впервые услышал странное и такое не морское слово: «Федерация». И ветра в том слове тоже не было, и, тем не менее, оно – слово это – хозяйничало в морях, и указывало океанам, оно пыталось запрячь вольный ветер и по-деловому присваивало себе все паруса и яхты. И что совсем смутило мальчика, оказывается, и его любимый тренер, обветренный как скала и не боящийся ураганов, и он вынужден подчиняться Федерации и внимательно изучать её циркуляры и приказы.

– Фе-де-ра-ци-я, – Назар произнёс по слогам, послушал каждый звук и, покачав головой, резюмировал: «якалка», «фыркалка» – задавака.

Тренерские усы после этого долго не могли успокоиться, они приподнимались вверх и весело ухмылялись. Что это означало, для Назара осталось загадкой, либо тренер не согласился с его выводами, высмеял их и тем самым признал могущество Федерации над собой, либо под ухмылкой пряталось нечто большее, никак не объяснимое словами – только смехом. Юный капитан ломал голову и внимательно слушал правила...

Оказывается в одно и то же время могут происходить и другие события, рассмотреть которые можно, изменив фокус настройки прибора

Уже много часов шло преследование. Корабли Всех Федераций пыхтя всеми трубами гнались за беглецом и никак не могли догнать. И это было удивительно.

Настоящий адмирал озабоченно потирал лысый затылок, пожимал плечами, искал виноватых (он же не может обвинить самого себя):

– Вы капитан или кто, что вы там себе под нос мямлите?

Докладчик покраснел, шея напряглась, губы плотно сжались, боясь как бы обидные мысли не выскочили нечаянно наружу и не стали достоянием адмиральных ушей; тогда уж точно не быть ему капитаном!

– Ваша важность, – докладчик опускал глаза и упорно сверлил ими золотую пуговицу на кителе Настоящего адмирала (о, как он мечтал о точно такой же, но на собственном мундире; она – пуговичка – была вершиной всех его самых потаённых желаний), – этот беглец невероятно увёртлив и обладает какой-то сверхъестественной силой...

– Что за чепуху вы несёте, капитан! Вы мне ещё о ду'хах расскажите. Вечерами нужно серьёзное чтиво читать, инструкции там или лоцманские справочники, а вы, наверное, развлекательные каналы по телеку гоняете или романы почитываете. Верно?

– Читайте, – смутился капитан, продолжая теребить взглядом блестящую пуговицу (эта деталь на мундире, даже не имеющая практического применения, так – красулька, тем не менее, превращала её обладателя в повелителя душ и дум всего флотского экипажа). Капитан едва заметно вздохнул, – например, вчера бунтовщик снова попал в поле нашей видимости и досягаемости, мы увеличиваем ход до максимального, вперёд отпускаем скороходные катера. Он почти окружён, и тут заканчивается топливо. В баках самых скоростных катеров ни капли,

мощные движки высосали всё. А ему и нипочём: словил свежий фордевинд и был таков. Мы не обучены ловить ветер.

– Ветер, ветер! – кипятился Настоящий адмирал, – что, на морях теперь штили отменили, капитан?

– О чём я и пытался вам доложить.

– Когда?

– Только что. Для него и в штить всегда дует попутный и весьма сильный ветер. Вопреки всем нормальным законам природы. Он обладает сверхъестественной силой.

Адмирал, ворча, отодвинул мягкое кресло и сам лично поднялся на мостик флагмана:

– Всё приходится делать самому. Наблюдатель!

Флот Всех Федераций шёл широкой дугой, уверенно сминая набегающие на форштевни волны. Ему было всё нипочём – сзади следовали корабли обеспечения, а за ними возвышались скалистые, укрепленные и неприступные берега Всех Федераций. Её око неотступно следило за белым пенным следом, оставляемым преследующим флотом.

Перед могучими левиафанами морей едва заметной точкой маячил белый парус. Флот, задымляя горизонт, хищнически сжимал фланги и вот-вот был готов проглотить парусник железными утробами, он уже выпустил свои неотвратимые когти – самые быстроходные катера. На палубах выстроились команды, с интересом наблюдая за погоней и делая ставки.

В этот день повезло одному единственному матросу – он поставил на парус и сорвал весь куш.

У Настоящего адмирала выпучились глаза:

– Что за чертовщина такая!..

Обыкновенная с виду яхточка, с непримечательным «бермудским» треугольным парусом, легко и непринуждённо уходила от погони тысячи скакунов, запряжённых в мощнейшие двигатели самых резвых рекордсменов на всех океанах и морях. Катера задирали носы, глисировали, водомёты взбивали за кормой бурную пену и – всё напрасно! Настоящий адмирал ухватился за подлокотники кресла и поддался вперёд, насколько позволял солидный живот. Он сам бывший яхтсмен и прекрасно разбирался во всех нюансах гонок под парусами. Сейчас, по идее, «эта мелюзга» должна начать лавировать при встречном ветре, тут-то мои «скакуны» её и нагонят – им эти ветра нипочём, их ветра покорны и надёжно упрятаны под палубой.

– Разрешаю слегка помять его бортами. Пусть послужит уроком для остальных, – воодушевлённый зрелищем погони Настоящий адмирал проревел команду в микрофон. Эх, и где мои пятнадцать, когда я стал чемпионом?!

Продолжение следует

Назар ослабил шкоты (снасть для управления парусом), гик (деревянная или металлическая подвижная балка к которой крепится нижний край паруса) просвистел над головой, яхта дёрнулась «рыскнула» по курсу, он слегка повёл рулём, ещё потравил шкоты, и нос лодки, уже вот-вот готовый зарыться в солнечную волну, резво вскочил на её гребень и понёсся среди бурлящих бурунов!

Это уже не тот «малец», который впервые переступил слип сочинского яхт-клуба, – Назар вырос, окреп, обрёл уверенность в штормах и не дрейфил при шквальном ветре.

Сегодня был второй день регаты, проходящей в акватории Сочи. По результатам первого Назар возглавляет список в своём классе. Но и соперники сильны. И отрыв минимальный, этот старт решает всё. Назар обернулся, так и есть, острый нос ближайшей яхты разрезал волну, отстав всего на полкорпуса. Лицо юного преследователя, красное от возбуждения, было обращено в сторону Назара и не выражало ничего кроме решимости догнать и перегнать. Ничего удивительного – таковы условия всех без исключения гонок.

Назар вспомнил давнишний разговор с тренером:

– А если я нарочно уступлю первое место, ну чтобы ему, значит, не было обидно, я буду победителем?

– Для себя, возможно, будешь, но для гонки, её участников: гонщиков, судей и зрителей, – ты навсегда останешься вторым.

– А что важнее?

– Решать тебе. Каждый однажды стоит перед выбором: быть первым или победителем.

А есть разница, тренер?

– Имеется.

Назар взглянул на парус и прислушался: всё, что составляло его *Я*, заставляло двигаться и дышать, в этот миг ликовало и торжествовало – он ни за что не уступит первое место! Ни за что!

На первом знаке он чуть не уступил, проиграв позицию. Пришлось бороться и напрягать все силы. Сашка (так звали ближайшего преследователя) пытался зайти то с подветренной, то с наветренной стороны, он отчаянно боролся за первое место и тоже ни за что не хотел уступать. На борту его яхты красовалось гордое название «адмирал». Удостоверившись, что очередной манёвр Сашке не удался и увеличив отрыв на целый корпус, Назар весело посмотрел назад:

– Адмирал, не догонишь!

– Это мы посмотрим!

– В следующий раз, не сегодня!

Гонка подходила к финишу. Впереди уже были различимы строгие лица на судейском корабле. Назар уверенно обошел аутсайдера из другого класса, оставались последние метры, секунды... И тут из-под чёрной тучи, нависшей над берегом, налетел шальной шквал. Резкий и сильный. Яхту Назара накренило вперёд и вбок, мачта чиркнула по вскипевшей воде. «Ещё миг и я „кильнусь“!» И мышцы и нервы превратились в напряжённые стальные тросы, Назар изогнулся всем телом, «откренивая», спасая обречённый лёгкий парусник. Яхта застонала пластиковым корпусом, мачта замерла у самой воды в нерешительности: кому подчиняться – капитану или отдаться воле свистящему и взбесившемуся ветру? Назар умоляюще смотрел на кончик мачты, время замерло, секунды куда-то сдуло порывами ветра. Сквозь крепко сжатые губы он шептал:

– Нет! Нет! Не сдавайся! Не сейчас! Ну, давай же!..

И тянул, тянул изо всех сил, боролся с ветром, одной рукой крепко удерживая руль, в другую больно впились шкоты, даже перчатки сейчас не спасали. Мачта в последний раз качнулась, напоминая весы на рынке и медленно ускоряясь, начала подниматься вверх.

Он победил!..

И тут раздался громкий хлопок и следом сдавленный крик за спиной. Назар оглянулся между ним и Сашкиным «адмиралом» отчаянно тонул тот самый аутсайдер из другого класса. Опрокинутая яхта беспомощно бултыхалась между разъярёнными волнами, гонщика накрыло парусом, и он изо всех сил бился под намокшими грязно-белыми складками. Выскочивший из гнезда гик тянул несчастного на дно.

Он захлёбывается! – Назар не раздумывал, быстро развернул яхту и бросился на выручку. Манёвр был неудачным, учитывая сильный порывистый ветер. Его яхту тут же опрокинуло, а самого Назара, будто из пращи, выкинуло из кокпита далеко в сторону. «Он захлёбывается», – одна единственная мысль настойчиво билась в голове Назара. Он вынырнул, откашлялся, покрутил головой, увидел трепыхающегося под парусом яхтсмена и поплыл к нему. Рядом, не сбавляя хода, пронёсся белоснежный имеющий изящные обводы борт.

В тот день его не вызвали для награждения, но сам командор порта отметил храбрый и самоотверженный поступок юного капитана.

Подошёл тренер. Назар виновато поднял голову и был очень удивлён – в тренерских глазах он увидел одобрение, усы улыбались шире обычного:

– Молодчина! Так держать, Назар, сегодня я по-настоящему горжусь, что ты в моей команде.

– Но я...

– А, – тренер махнул рукой, – не обращай внимания, железкой больше, железкой меньше. Так даже лучше – плавучесть выше...

...а в это время

Настоящий адмирал привстал. Он всегда забывался в подобные моменты, ничто для него не существовало вокруг, кроме точки прицеливания. «Только безмозглый глупец будет отвлекаться, когда то, ради чего всё это замышлялось, в двух шагах от достижения». Он не умел и не любил проигрывать: «Раз тебе это дано взять – бери. Не возьмешь – поднимет другой». Его глаза горели сейчас по-особенному и никто, и ничто на мостике флагмана не могло отвлечь Настоящего адмирала от преследования. Между его зрачками и одиноким парусом можно было прочертить прямую линию, а всё остальное стереть ластиком – не существует, отсутствует, принадлежит забвению:

– Ко всем чертям! Чего вы медлите, болваны! Рохли! Он на «лабиринтке» бессилён против ваших тысячесильных «Ямах».

Пальцы Настоящего адмирала впились в подлокотники и стали бледными, будто он сам схватил сейчас жертву и не выпускает её.

– Так, так! Ату его, ребята, ату!.. Что!..

И без того дико выпученные глаза Настоящего адмирала превратились в чересчур выпуклые окуляры перископа, с красными прожилками.

– Не может быть?.. – перископ недоумённо покрутился по сторонам, выискивая новую цель.

Присутствующие на мостике поёжились, и каждый попытался спрятаться за спину другого. Выпученные окуляры накрыли мохнатые брови, и они теперь злобно поблескивали из глубокой тени. Он видел, он ясно видел собственными глазами, а не из докладов этих недотёп капитанов: нос яхты зарылся в накатывающийся вал. «Ему конец! Он попался», – именно такие торжествующие мысли промелькнули тогда в голове Настоящего адмирала, воспитанного правильно оценивать ситуации. И тут он увидел нечто совсем непостижимое.

Привыкший анализировать, ум Настоящего адмирала снова и снова прокручивал картину случившегося. Вода сплошным потоком перекатилась через корпус яхты, окатила с головой беглеца, сидящего на краю кокпита. И тут непонятным образом произошло перевоплощение.

И лодка, и мачта, и парус, и сам яхтсмен вынырнули из воды иными, чем представлялись раньше, до события. Над водой, сливая ручейками и каплями остатки воды, воспарило окрылённое, неземное создание. То, что раньше было сложено из отдельных частей, совмещённых замыслом конструктора и упорством тренера, а именно: изящный пластиковый корпус, алюминиевая мачта, парус, сшитый из кусков материи, такелаж и сам яхтсмен, теперь слились воедино в мифическое почти бестелесное существо (так, по крайней мере, показалось Настоящему адмиралу и другое объяснение ему не приходило в голову). Диво будто рождённое из воды и лучей света, взмахнуло крыльями (или крылом, кто его там в суматохе разберёт), пронеслось под самыми форштевнями несущихся катеров и скрылось... Испарилось...

– Чёрт знает что... – произнеся в полголоса эту фразу Настоящий адмирал замолчал, уставившись в пол. Туда же смотрели, адъютант, капитан и вахтенные. Затёртый сотнями ботинок пол был ближе и понятнее, чем происходящее за иллюминаторами. Там корабли флота,

смешав строй, теперь запоздало пытались избежать столкновений. Два катера уже тонули, на воде барахтались люди.

– Адмирал, вы отдаёте отчёт своим словам?

Суд Всех Федераций был, как всегда, скоротечным и законным, он строго придерживался двусмысленных статей и подпадал под настроения капризных судей.

Настоящий адмирал не стал подавать апелляцию – он сам когда-то был морским законодателем и знал, что в ясную погоду принимаются «прозрачные» законы, а в дождь и слякоть, когда невероятно ноют суставы, мучает мигрень, хочется послать всех к чёрту. Скомкать бумагу со всеми проектами и с чувством бросить её в урну или, если это невозможно, напускать в статьи тумана из запятых и хмари из подпунктов. Когда ему пытались указать на двусмысленность, тогда он, глядя на оппонентов воспалёнными глазами, отмахивался: «Вы в окно-то выглядывали, олухи царя небесного? Солнца давно не видно, льёт дождь, а вы всё принимаете законы солнечного дня. Отставить! Осуждать всех, – морщился тогда Настоящий адмирал, – пусть тоже почувствуют мою боль».

Карьеру перечеркнули самым сказочным образом и адмирал (теперь уже не Настоящий) возненавидел все сказки мира и всех сказочных героев вместе с ними. Он отомстит! Чемпион он, в конце концов, или не чемпион. Прежних заслуг у него никто не отбирал, кубки и медали стояли и висели гирляндами на почётных местах его богатого дома.

Адмирал привлёк единомышленников, благо после чистки на флоте таких нашлось предостаточно.

– Вы со мной?

– Нам всё равно. На берегу скуотища страшная! – Воодушевлённо рявкнули морские волки, не спуская преданных глаз с обожаемого адмирала.

Адмирал представил Федерациям проект. Все Федерации любили и одобряли любые проекты, осуществление которых обещало процветание и победы. Чего процветание и над кем победы? – Всем Федерациям о таких пустяках некогда было задумываться: «И чего тут думать – победа же не убыток». Они подмахнули проект и забили в бюджет необходимые расходы.

Был момент, когда Все Федерации решили не замечать беглецов: «Их считанные единицы, благонадёжных куда больше. Подавляюще больше! Так стоит ли тратить на них время и средства – пускай бегают себе, пока сами не выдохнутся». И тут она почувствовала сначала недомогание, а потом хандру. Бежавшие не уносили с собой ничего, ни скрепки, ни даже крохотного осколка камня на память, но у Всех Федераций закралось подозрение, что всё не так просто, как ей казалось на первый взгляд. Её незаметно обкрадывали. С каждым новым побегом Все Федерации ощущали образующуюся внутри, пугающую своей неотвратимостью, пустоту. Так истекающий кровью понимает, что с каждой каплей жизнь безвозвратно покидает его. И её сразу охватил смертельный страх.

Все Федерации спохватились и возобновили преследование с ещё большим рвением. Мало того, что её лишили смысла, так эти подлые беглецы прихватывают с собой что-то ещё, без чего обыкновенное сытое и безбедное существование сохнет прямо на глазах, затем покрывается сеточкой тоскливых трещин и осыпается, то ли кучкой пыли, то ли пепла. Да и какая в том разница – пустота!

Идея адмирала была проста: «Уподобимся им, примерим их шкуру и проникнем в логово подлых предателей».

Вскоре по всем заливам и бухтам рыскали многочисленные флотилии крейсерских яхт, шхун и катамаранов. Их паруса напоминали чаек кружащих в поисках добычи, а капитаны воскресших из легенд каперов.

– Что вы ищете тут? – спрашивали рыбаки.

– Невидаль. Вы не видели?

– ?

Местные рыбаки в испуге собирали расставленные сети и убирались восвояси, «от греха подальше, „невидаль“ они какую-то ищут».

Снова возвращаемся к событиям в приморском городке

Чем солиднее становился опыт Назара в гонках и регатах, тем больше копилось вопросов, и тем меньше он завоёвывал на соревнованиях наград и призов, а мог.

Ох, как мог! Ему прочили громкую славу и успех, заранее называли фаворитом и отказывались верить, когда он не оправдывал надежд.

– Невероятно! Идти в числе лидеров и вдруг дать обогнать себя новичку. Такое впечатление, будто он вежливо отступил в сторону и даже пожелал семь футов под килем. Невероятно. А задумчивый Назар, ещё сняв гидрокостюм, ещё разгорячённый гонкой, остановился перед Юхновым.

– Тренер, у вас есть смысл: вы учите ходить под парусом юных капитанов, открываете им новые горизонты. А я?.. Гонки ради гонок? В кубках я шурупы храню, медалями в сарае щели закрываю. Быть зрелищем для праздной публики... ублажать чиновников ФВПС – значит быть никем. Кометой. Вспыхнул, мелькнул на небосводе и пропал. Я ощущаю себя истуканом, который украшают, приносят ему жертвы, молятся, а он в ответ всё больше каменеет, уставившись на почитателей бессмысленными глазами. Ну какая тут польза? У меня ветер в парусе, у зрителей – всё больше в голове. Уйду я, тренер.

– Куда, позволь тебя спросить? Оглядишься – для яхтсмена кругом федерации. На берегу тоже?

Назар пожал плечами.

– Я уже заметил: попал в лапы чиновников от спорта выход один – быть съеденным или прозябание и забвение на берегу. Ты нужен, пока подаёшь заявку на соревнование.

И Юхнов и Назар одновременно замолчали, разглядывая морской прибор на слипе. К ним подошёл неунывающий и пронырливый Сашка. У него на все вопросы уже давно были готовы ответы:

– Дружи с Федерацией, она тебя и пригреет, и накормит, и спатеньки когда нужно уложит. Вот я и поступаю в Олимпийский университет. Глядишь, однажды, Назар, а я уже высокий чиновник от спорта, или Командор Сочинского яхт-клуба! А то и повыше бери. И чего тут думать, голову только всякой ерундой забивать?

Сашка, насвистывая модную мелодию, пошёл вразвалочку вдоль яхт, где копошились юные капитаны. На одних он покрикивал свысока, другим наставительно давал совет, третьих просто не замечал, мог запросто шлёпнуть по затылку и тут же ловко отшутиться.

– Сашка, – проведив спину подростка, простительным тоном произнёс Юхнов и снова обратился к Назару, – что же мне тебе посоветовать? Ищи своё вдохновение. Вот я нашёл его тут. Дети кругом, и сам как дитя стал!

Юхнова звали в Италию капитаном на шикарную яхту одного нувориши, обещали и зарплату высокую и прочие блага. Он отказался. Дома объяснил:

– Стар я стал мотаться туда-сюда. Пора и с внуками понянчиться.

С Назаром тренер был откровеннее:

– Там оно, конечно, и сытнее, и престижнее. Белое кепи и отглаженная рубашка. В трюме движок гудит отлажено, будто табун запряжённый и послушный, за кормой вода бурлит и клокочет, белые скалы Средиземноморья. Красота! Да только может ты и стоишь на мостике, однако жеребцом из того табуна, что под палубой рвётся на волю, себя точно признаёшь – запряжённый и стреноженный, в трюме под крышкой.

Юхнов помолчал, не отрывая взгляда от моря. Потом откашлялся словно прочищая горло и снова заговорил:

– Когда ко мне подходит вчерашний малец и задаёт те же вопросы, что и ты... мне дышится свободней, и никакая федерация дыхание это не передавит. Постарайся расслышать человека в себе, так же, как ищешь попутный ветер парусом. Вот и весь мой совет, и вся мудрость.

Назар снова вышел на воду. В этот день он гонялся как никогда. Красиво, напористо, гениально. «Смотрите, смотрите, что он творит!» «Это просто уму непостижимо!»

Сашка озадаченно провожал корму яхты Назара, лихо пронесившуюся мимо него: каким образом?! Сашка делал всё, что раньше приносило успех: держал нос по ветру, искал течение, и, воровато оглядевшись по сторонам, незаметно раскачивал яхту (нечестный приём в гонке). Что, конечно, против правил, но зато значительно увеличивало ход! И всё напрасно! Назар оставался недостижимым, улетаая вперёд, словно все те законы физики, что тормозили сашкиного «адмирала», отменялись для яхты Назара.

– Ты что, ветер поймал сегодня? – обиженно сопел Сашка, – или сам ветром стал?

– Или.

– Может, того – качаешь? – переходил на доверительный тон Сашка, наклоняясь вперёд. «Или» его не устраивало, и было непонятно.

– Качаю? Никогда!

– Ну и не говори, – Сашка обиженно отвернулся и скрестил руки на груди.

– А ты не дуйся, я и сам не могу объяснить, каким образом мне это удаётся. Будто всё, что было прежде, сегодня тянет меня вперёд и подталкивает в корму, дует в парус. У всех нет ветра, а у меня есть.

Сашка бросал шкоты, досадно бил по гикю, закусывал губу и чуть не плача провожал «летающего над волнами Назара», – все его усилия хотя бы догнать, оканчивались неудачами.

«В чём же его секрет? Наверное, точно качает, но хитро».

Юхнов, не проронив ни слова, наблюдал гонку. Ни разу его усы не опустились тоскливо вниз, они топорщились вверх и выражали тем своё самое благодушное настроение: так держать, Назар!

Привыкшие к череде неудачных выступлений «птенца Юхнова» (как за глаза называли судьи Назара), от перспективного яхтсмена открестились и записали в хронические аутсайдеры. И вдруг:

– Что это! Каким образом? Ампайр (судья в гонке на линии), проверь, он качает?

– Всё чисто. Он летит как ангел. Даже мурашки по телу – непостижимо!

Назар все дни регаты творил невозможное и непонятное. Судьи иногда забывали о судьейских обязанностях и превращались в увлечённых зрителей, улюлюкали и аплодировали. Настолько обходить действующих чемпионов, фантастика! Да с таким яхтсменом не стыдно и на международные регаты выходить! Завистливые взоры обращались к Юхнову:

– Поздравляем! Не зря ты с ним возился. Впечатляюще!

Подошел важный представитель ВФПС:

– Готовьтесь с вашим подопечным на международные.

Юхнов промолчал, едва заметно пожав плечами. Он был сейчас на одной волне с Назаром, душа к душе, и не спешил с выводами. «У него своя радуга сейчас в груди».

Назар поехал на международные старты. Уверенно вышел вперёд, обгоняя ближайшую яхту испанца настолько, что тот вспльхиво махнул рукой, оглянулся и начал бороться за второе место. Перед самым финишем Назар, на глазах у всех развернулся, высоко поднимая искристый веер брызг, подошёл к обомлевшему испанцу и вместе с ним финишировал, чуть ли не за руку, уступив полкорпуса (Позже смущённый испанец на пресс-конференции заявил: «Это урок, который мне никогда не осилить...»).

На берегу после финиша «чудака» ждали:

– Ты что творишь! На тебя такие надежды...

Назар, улыбаясь:

– Простите, но это не те надежды. Им всё равно пылиться на стене. Тренер, я не меняю курс, я ухожу.

– Юхнов, хоть ты образумь своего птенца! Он что отказывается от титула чемпиона мира?! Да ему равных сегодня нет!

– Да, равных ему нет, – спокойно посмотрел Юхнов в глаза представителя Федерации, – и я радуюсь, что он мой «птенец».

– Да вы что: оба с ума... того, – у представителя Федерации бессильно отвисла челюсть, заставленная золотыми коронками, чем напоминала древний храм с идолами.

...а в это время

Настоящий адмирал (он сумел-таки вернуть свой титул) возглавляя парусную флотилию, методично окружал Окрылённого. Красные круги вокруг глаз выдавали бессонные ночи, когда он просиживал над картами и расставлял на них силки.

– Теперь, голубчик, тебе некуда деваться, – азартно шептали губы Настоящего адмирала.

Тщательно подготовленная операция успешно завершалась. Не зря, ох не зря эти литры крепкого кофе, выпитые под звёздным небом! Белый парус, зажатый в тиски флота, нёсся прямо на рифы.

– Давай, давай, отчаянный! Быть тебе сегодня с проломленным бортом. – Настоящий адмирал криво ухмыльнулся.

А ловко я это всё придумал! Парусами ловить паруса. Когда эти Окрылённые впервые заметили мой флот, они доверчиво приблизились, некоторым, правда, удалось вырваться, зато остальные присмирели и вернулись в лоно Всех Федераций (за это ему, собственно, и вернули титул «Настоящий»). Есть один факт, смущающий всех и превращающий победу в бодрую репликацию. Настоящий адмирал кривил душой. Победа была, но какой ценой?

– Вам потому и был возвращён титул Настоящего адмирала – вы умеете всё оценить и всему знаете стоимость. Так как понимать: за одного Окрылённого мы теряем не один наш корабль, а сразу дюжину? Чёртову дюжину, прошу заметить.

– Я накапливаю опыт, мои Федерации. То, что не смогли сделать быстроходные катера и бронированные крейсера, я делаю малыми силами и за меньшую стоимость.

– Хорошо, продолжайте. Надеемся, вы станете опытней, и ваши отчёты не будут настолько двусмысленны.

Его – Настоящего адмирала – щёлкнули по носу. «Ну всё, Окрылённые, держитесь, я не дам вам спуску!»

Настоящий адмирал в очередной раз поклялся перед самим собой и демонстративно собственноручно привязался к мачте перед погоней. Боцманским узлом.

Рифы неотвратимо приближались, воздух задыхался в неимоверном грохоте, по-змеинному шипя, пенились буруны. Корабли флотилии начали осторожничать и ложиться на обратный курс.

– Куда?! Трусы!

– Да он просто сумасшедший!

– Вперёд! Сгною на берегу!

Заревел Настоящий адмирал, но в следующий миг зажал уши и зажмурил глаза. Отовсюду доносился хруст, слышались истошные крики, парусники налетали на камни, теряли мачты, команды в панике покидали тонущие корабли.

– Что с Окрылённым?

– Он проскочил.

– Что!!!

Настоящий адмирал Всех Федераций выпучил глаза и вперился в удаляющийся парус. Между ним и его флотом кипела пеной стена рифов, где каждого ожидала неминуемая гибель. «Как?!» Он обвёл тяжёлым взглядом плавающие вокруг обломки флота.

– Мою яхту!

– Но вы разобьётесь! Это же Гибельные широты!

– Мою яхту! – рявкнул Настоящий адмирал.

Рифы приближались. Настоящий адмирал всматривался в каждый камень, выискивал скрытый проход, парус над головой звонко трепетал, нос яхты вспарывал с шумом встречную волну, его собственный нос широко раздвинулся, словно он шёл по окровавленному следу.

– Чёрт, как ему удалось?

Тут кругом, куда не сунься – гибель... Ага!.. вон, вижу! Ну, хитрец.

Настоящий адмирал совершил ловкий манёвр (не забывайте – он всё-таки был когда-то чемпионом): в миллиметре увернулся от острого выступа и прошёл между двух скал. Ему показалось, что нашёл заветный проход.

И – просчитался.

Миновав первое клокочущее препятствие, знаменитая яхта адмирала под косым парусом оказалась зажатой между каменистыми выступами, места для манёвра не осталось, кроме того, волны совсем остервенели и превратились в душегубцев, способных только крушить и топить. Они с гоготом подхватили яхту и явно намеревались бросить её прямо на камни. Настоящий адмирал растерялся, начал метаться, отчаянно скинул блестящий, но теперь намокший и оттого тяжёлый мундир. В воду полетели и другие ненужные вещи: навигаторы, золотые часы, адмиральский жезл усеянный бриллиантами. Море равнодушно проглотило принесённые жертвы, на какой-то миг притихло, будто там, на дне взвешивали вес адмиральских даров, а потом снова морская бездна неудовлетворённо заворочалась, гневно требуя главную жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.